

АКУЛА НЕ МОЖЕТ ОСТАНОВИТЬСЯ

Ре Неро

Акула не может остановиться

«Автор»

2026

Неро Р.

Акула не может остановиться / Р. Неро — «Автор», 2026

Андрей умеет превращать хаос в систему: строить отделы, закрывать сложные сделки, находить деньги и начинать жизнь заново. Но дома его сила постепенно становится давлением, забота — контролем, а стремление к справедливости — оружием. За плечами у него детство между двумя родительскими правдами, мучительные потери и любовь, которую он хотел сделать надёжной. Впереди — билет в одну сторону, страх новой мобилизации и сын, ради которого нельзя ни исчезнуть, ни остаться прежним. «Акула не может остановиться» — психологический роман о мужчине, который всю жизнь учился побеждать, но так и не научился вовремя останавливаться. Здесь нет правых и виноватых: каждый герой любит, ошибается и защищается доступным ему способом. Окончательный приговор остаётся читателю.

© Неро Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Роман	6
Глава первая. Билет в одну сторону	7
Глава вторая. Проклятие	15
Глава третья. Две правды	18
Глава четвёртая. Три дня	23
Глава пятая. Радио Артура	26
Глава шестая. Уважаемый человек	28
Глава седьмая. Шестнадцать	31
Глава восьмая. Позднее спасение	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ре Неро

Акула не может остановиться

Акула не может остановиться

Роман

Всю жизнь я пытался доказать, что достоин быть любимым.

Все персонажи, организации, места и отдельные обстоятельства художественно пересмыслены. Это произведение вымысла; совпадения с реальными людьми и событиями не являются документальным утверждением.

Глава первая. Билет в одну сторону

Чемодан весил двадцать три килограмма четыреста граммов.

Андрей снял его с напольных весов, расстегнул и вынул зелёное платье. Оно было новым, ещё с картонной биркой на вороте, и пахло магазином — сухой тканью, краской и чужими руками. Андрей расправил его перед собой. Простое платье, широкое, с двумя карманами. Марина любила карманы. Она говорила, что производители женской одежды нарочно делают их маленькими, чтобы женщинам приходилось покупать сумки.

Платье предназначалось для дня, который уже прошёл.

— Значит, не опоздало, а пережило, — сказал Андрей.

В пустой комнате слова прозвучали глупо. Он сложил платье, положил его на кровать и снова взвесил чемодан.

Двадцать два килограмма восемьсот граммов.

Запас составлял двести граммов. До такси оставалось тридцать две минуты. До самолёта — четыре часа. До новой жизни, если верить рекламному письму авиакомпании, — один перелёт без пересадки.

Телефон задрожал на подоконнике.

Северный комбинат отказывается принимать установку. Говорят, смета изменилась после согласования. Что делать?

Сообщение прислал Кирилл, молодой менеджер, которого Андрей два месяца учил не извиняться раньше времени. Компания продавала промышленные системы очистки воды — серые металлические шкафы, трубы, насосы и документы, весившие едва ли не больше оборудования. Андрей разбирался в них хуже инженеров, зато за годы научился слышать момент, когда человек по другую сторону разговора уже решил купить, но хотел получить право считать себя победителем.

Он набрал:

Ничего не объясняй. Спроси, от какого именно согласованного пункта мы отошли. Потом молчи.

Кирилл ответил сразу:

А если они расторгнут?

Не расторгнут. Им запускать линию через девять дней.

Андрей отправил сообщение, подумал и добавил:

Если всё-таки расторгнут — позвони.

Потом убрал телефон экраном вниз, словно этим мог завершить разговор.

На кровати лежали две стопки вещей. В первой было необходимое: рубашки, бельё, аптечка, документы. Во второй — вещи, необходимость которых Андрей не сумел доказать: платье, книга без обложки, детский рисунок с тремя людьми под огромным синим облаком и маленькая деревянная акула. Миша увидел её прошлым летом в лавке у моря и немедленно решил, что это дельфин. Андрей объяснил разницу. Миша выслушал, покрасил акуле рот красным фломастером и продолжил называть её дельфином.

Андрей переложил книгу в рюкзак. Рисунок свернул в трубку и засунул между рубашками. Акулу оставил на кровати.

Она лежала на боку и смотрела на него круглым чёрным глазом.

Он положил её в наружный карман чемодана.

Платье отправилось туда же.

Весы показали двадцать три килограмма четыреста граммов.

— Ладно, — сказал Андрей. — Значит, дело не в тебе.

Он вынул толстовку, надел её поверх футболки и затянул ремни рюкзака. Теперь чемодан весил двадцать два девятьсот. Победа была мелкой, но честной: правила установил не он, однако решение нашёл сам.

Так работала почти вся его жизнь.

В спальне остался разобранный детский конструктор. Красная башня стояла на жёлтом основании, а рядом валялась деталь, которую Миша безуспешно пытался вставить поперёк. Андрей вчера трижды показывал, как правильно. На четвёртый раз мальчик прикрыл конструкцию обеими руками и сказал:

— Я сам так хочу.

Андрей рассмеялся, но деталь всё равно переставил, когда сын отвернулся.

В ванной сохло одно полотенце. На кухне в сушилке стояла одна чашка. Марина забрала сына и уехала к матери почти три недели назад, однако дом не выглядел опустевшим постепенно. Пустота не соблюдала пропорций. Она заняла комнаты сразу, от плинтусов до потолка, а потом начала выдавать себя за порядок.

На холодильнике висела фотография. Море, белая набережная, Андрей с обгоревшим носом, Марина, удерживающая волосы, и Миша, который смотрел не в камеру, а на продавца воздушных змеев. Все трое оказались в одном кадре, но каждый был занят своим.

Андрей открыл переписку с Мариной и написал:

Собрался. Через полчаса выезжаю.

Ответ пришёл почти сразу:

Паспорт проверил?

Стоило Андрею начать разговор, как Марина охотно подхватывала его: спрашивала, сделал ли он копии документов, обменял ли деньги, взял ли таблетки от аллергии и не забыл ли отменить доставку воды. Но первого сообщения от неё он ждал бы долго. Она ни разу не спросила, уверен ли он.

Это раздражало сильнее, чем если бы она попросила остаться.

Впрочем, на вопрос об уверенности Андрей всё равно ответил бы утвердительно. Он не любил вопросы, после которых ничего не менялось.

Проверил.

Он подождал и написал:

Платье тоже беру.

Три точки появились почти сразу. Исчезли. Возникли снова.

Зачем?

Андрей посмотрел на фотографию.

Там карманы хорошие.

Марина ничего не ответила.

Фраза была похожа на шутку, а шутка позволяла обоим не уточнять, почему подарок на годовщину летит к морю без женщины, которой его купили.

Такси приехало на пять минут раньше.

Водитель открыл багажник из салона, но наружу не вышел. Андрей сам поднял чемодан. Спина отозвалась тупой болью — напоминанием о том, что последние месяцы он много сидел, мало спал и обещал себе купить абонемент после того, как разберётся со срочными делами. Срочные дела обладали удивительной способностью размножаться.

— В международный? — спросил водитель.

— Да.

— Надолго?

— Посмотрим.

— Сейчас многие так говорят.

На зеркале у водителя покачивался медный крест. Рядом висела выцветшая фотография девочки в школьной форме. Андрей пристегнулся и назвал номер терминала, хотя тот уже был указан в заказе.

Машина выехала со двора. Серые дома поплыли назад, затем потянулись магазины, шиномонтажи, аптеки и огромные плакаты с улыбающимися семьями, покупавшими квартиры под такой процент, будто будущее гарантировалось банком.

У остановки женщина тащила мальчика за руку. Мальчик упирался и тянулся ботинком к луже. Женщина торопилась. Мальчик хотел узнать глубину. Каждый был прав в пределах собственной задачи.

— Отдыхать? — спросил водитель.

— Работать.

— Там работа есть?

— У меня здесь есть.

— А семья?

Андрей перевёл взгляд с окна на затылок водителя.

— Что семья?

— С вами?

— Позже.

Водитель кивнул с таким видом, будто слышал знакомую историю. Это Андрею не понравилось. Его история не могла быть знакомой незнакомому человеку. Тот не знал ни моря, ни домов, ни обещаний, ни того, сколько раз Андрей пытался начать всё заново. Не знал, что иногда для спасения семьи приходится от неё уехать. Или что именно так обычно говорят люди, которые уже выбрали себя.

Андрей достал телефон.

Кирилл прислал голосовое на две минуты семнадцать секунд. Андрей включил на ускорении, прослушал и позвонил.

— Они говорят, что пункт про монтаж появился только в последней версии, — быстро сказал Кирилл.

— А ты что ответил?

— Что сейчас уточню у руководителя.

— Зачем?

— Ну... чтобы уточнить.

— Ты уже открыл старую смету?

— Нет.

— Так открой. Ты позвонил мне, чтобы я посмотрел документ вместо тебя?

На том конце стало тихо.

Водитель прибавил звук радио. Мужской голос торжественно рассказывал о спокойствии, порядке и необходимости доверять официальным сведениям.

— Сейчас открою, — сказал Кирилл.

Андрей прикрыл глаза. Он слышал собственную интонацию: ровную, терпеливую и безжалостную к слабой мысли. Ещё год назад ему казалось, что так звучит хороший руководитель.

— Кирилл.

— Да?

— Я не ругаю тебя. Просто сначала проверь то, что можешь проверить сам. Потом звони.

— Понял.

— Если бы ты понял, ты бы не говорил «понял». Ты бы открыл смету.

— Уже открываю.

— Хорошо. Набери через десять минут.

Он завершил разговор и увидел в зеркале взгляд водителя.

— Сотрудники? — спросил тот.

— Люди.

— С людьми тяжелее.

— С оборудованием тоже. Просто оборудование не объясняет, почему не работает. Водитель засмеялся. Андрей тоже. Напряжение ушло, будто его и не было.

У развязки позвонил Глеб.

— Ну что, акула, поплыл? — спросил он вместо приветствия.

— Акулы не отправляются в плавание. Они всегда в нём.

— Ты сейчас описал вашу отрасль.

— Еду в аэропорт.

— Один?

— Чемодан со мной.

— Чемодан согласился без ультиматума?

— Он вообще надёжный. Куда поставишь, там и стоит.

Глеб хмыкнул. Он умел говорить о главном так, чтобы никто не мог обвинить его в серьёзности.

— Марина не передумала?

— Она ещё не начинала.

— А ты?

— Я билет купил.

— Билет — это не решение. Это чек.

— Решение было раньше.

— Когда?

Андрей посмотрел на поля за окном. Между снегом и небом тянулась одинаковая грязно-белая полоса. Где-то за ней существовал город, в котором зимой продавали клубнику на улицах, жильё сдавали за наличные, а море было видно с крыши недорогого дома. Андрей изучил цены, районы, правила регистрации, школы, страховки, налоги и даже среднее количество дождливых дней. Он знал о новой жизни почти всё, кроме того, кем окажется в ней сам.

— Потом расскажу, — сказал он.

— Ты мне уже полгода всё потом рассказываешь.

— Значит, история длинная.

— Мелкий как?

— Нормально.

— Что ты ему сказал?

— Что уеду работать. Будем созваниваться. Может, зимой заберу.

— «Может»?

— Я сначала должен понять, куда его забирать.

— Разумно.

Глеб произнёс это без насмешки, и Андрей неожиданно разозлился. Защищаться от обвинения было легче, чем принимать согласие.

— Ему там сейчас лучше, — сказал он. — С матерью, в знакомом месте. Я не знаю, где буду жить через неделю. Не тащить же ребёнка в неизвестность, чтобы красиво выглядеть.

— Я ничего не сказал.

— Вот именно.

Они помолчали.

— Помнишь, ты говорил, что акула тонет, если перестаёт плыть? — спросил Глеб.

— Это не я придумал.

— Но ты поверил.

— Есть разница?

— Есть. Придуманное можно исправить.

Связь зашипела. Или Глеб нарочно подвёл разговор к месту, где его можно было закончить.

— Позвони, как прилетишь, — сказал он.

— Если не утону.

— Не утонешь. Ты слишком тяжёлый.

На этом они попрощались.

Перед аэропортом стояли мужчины с одинаковыми чёрными сумками. Один курил, второй обнимал пожилую женщину, третий держал ребёнка на руках. Никакой формы на них не было. Обычные пассажиры, обычный холод, обычные люди, которые могли лететь на вахту, в отпуск или к родственникам.

Андрей всё равно пересчитал их.

Последние месяцы он замечал одинаковые сумки, официальные конверты, машины, слишком долго стоявшие у подъезда, и незнакомые номера. Страх не мешал ему жить. Он просто встроился в распорядок — как рабочий чат, который нельзя отключить. По утрам Андрей проверял новости, днём смеялся над слухами, вечером изучал маршруты через границу. Когда Марина называла это паранойей, он показывал ей документы. Когда она соглашалась, что опасность существует, он открывал таблицу расходов.

Любую тревогу можно было превратить в план. План отличался от тревоги только наличием сроков.

На регистрации чемодан весил двадцать три килограмма сто граммов.

— Перевес сто граммов, — сказала девушка за стойкой.

Андрей посмотрел на весы, потом на неё.

— У меня дома было двадцать два девятьсот.

— Домашние весы могут отличаться.

— Или ваши.

Девушка подняла глаза. Она была очень молодой и очень уставшей. На синем платке возле шеи темнело маленькое пятно от кофе.

— Можете оплатить перевес или переложить часть вещей в ручную кладь.

— Из-за ста граммов?

— Правила одинаковы для всех.

Андрей уже приготовил ответ. Он мог попросить документ о проверке, позвать старшего смены, найти норму погрешности, заставить систему признать, что сто граммов не стоят ни его времени, ни времени очереди. За его спиной начали двигаться и вздыхать люди.

Он расстегнул чемодан.

Сверху лежало зелёное платье. Андрей вынул деревянную акулу из наружного кармана и положил в куртку.

— Теперь должно хватить.

Девушка снова взвесила чемодан.

Двадцать два килограмма девятьсот пятьдесят граммов.

— Проходит.

— Видите, — сказал Андрей, — всё решается.

Она приклеила багажную ленту и ничего не ответила.

После досмотра он сел возле панорамного окна. Самолёты медленно двигались по полю, белые и тяжёлые, словно животные, которым природа не разрешала летать, но инженеры не спросили её мнения.

Кирилл написал:

Монтаж был в первой смете. Они признали. Что теперь?

Андрей начал печатать: «Зафиксируй согласованную стоимость, отправь им обе версии, поставь в копию...» Остановился на третьей строке и всё стёр.

А ты сам как думаешь?

Ответ пришёл через минуту:

Зафиксировать пункт письмом и назначить инженера?

Да.

Андрей убрал телефон, но рука ещё несколько секунд лежала на кармане. Он пытался понять, почему простейший вопрос потребовал от него усилия. Возможно, потому, что чужая самостоятельность всегда содержала риск чужой ошибки. А расплачиваться за ошибки, как правило, приходилось тому, кто мог их предотвратить.

Напротив сидела семья: мужчина, женщина и девочка лет семи. Мужчина держал три паспорта и посадочные талоны. Женщина кормила девочку яблоком, отрезая кусочки складным ножом. Они почти не разговаривали, но двигались согласованно: один собирал документы, другая поправляла ребёнку шарф, потом они одновременно поднялись к табло.

Андрей отвернулся.

Деньги были проверены. Документы лежали во внутреннем кармане. Аренда на первые десять дней оплачена. На случай отказа во въезде существовал второй маршрут. На случай увольнения — запас на четыре месяца. На случай болезни — страховка. На случай возвращения — дом, который можно было открыть своим ключом.

Только для возвращения не существовало даты.

Когда объявили начало посадки, Андрей сам позвонил Марине.

Сначала на экране появился потолок, потом её подбородок, затем Миша. Он сидел на полу в пижаме и прижимал к камере пластмассовый грузовик. Одно переднее колесо было надето обратной стороной.

— Папа, смотри!

— Вижу. Новый?

— Я починил.

Андрей приблизил экран.

— Колесо наоборот.

— Оно едет.

Миша прокатил грузовик по полу. Машинка завалилась набок, но проехала почти метр. Мальчик радостно посмотрел в камеру.

— Видишь?

— Вижу.

— Я сам сделал.

За его спиной Марина складывала детские вещи. Андрей видел только её руки и край серого свитера. Потом она взяла телефон.

— Всё нормально? — спросила она.

— Да. Уже посадка.

— Документы не убирай далеко.

— Не убрал.

— Миша сегодня проснулся раньше всех, кашу почти не ел, зато у мамы нашёл старый грузовик. Они с утра колесо чинят. У нас снег начался. Твоя посылка, кстати, пришла, только я её забирать не стала — там хранение ещё пять дней. И воду я перенесла на следующую неделю.

Она говорила быстро и подробно, как всегда, когда разговор уже начался. Андрей слушал и думал, что из её рассказа можно восстановить весь день, кроме того, скучала ли она по нему.

— Когда прилетишь, напиши.

— Хорошо.

Они смотрели друг на друга через экран. Андрей заметил, что Марина устала. Или решил, что заметил. Раньше он умел по одному её взгляду понять, когда она смущена, когда сердится и когда хочет, чтобы он подошёл. Теперь один и тот же взгляд мог означать всё сразу или ничего.

Он хотел спросить, счастлива ли она.

Вопрос показался нечестным: задавать такое перед посадкой мог только человек, рассчитывающий унести ответ с собой и оставить последствия другому.

— Платье зря взял, — сказала Марина.

— Места хватило.

— Я не про место.

В динамике снова объявили его рейс. Очередь двинулась к выходу.

— Мне пора.

— Да.

— Мишку давай.

Она повернула телефон. Мальчик уже разбирал грузовик.

— Папа улетает, — сказала Марина.

Миша бросил колесо и подбежал к экрану.

— Ты на море?

— Пока в самолёт.

— А потом на море?

— Потом на море.

— Я тоже хочу.

— Я знаю.

— Ты меня возьмёшь?

— Когда там всё сделаю.

— Что всё?

Андрей посмотрел на людей у выхода. Они протягивали паспорта и по одному исчезали в стеклянном коридоре. Хороший вопрос, подумал он. Один из тех вопросов, которыми ребёнок случайно ломает взрослую ложь, потому что ещё не знает, какие слова принято оставлять без определения.

— Дом найду, — сказал Андрей. — Разберусь с работой. Документы сделаю.

— А потом возьмёшь?

— Потом поговорим с мамой.

Миша нахмурился. В его мире разговор взрослых был не действием, а погодой: после него могло случиться что угодно.

— Ты скоро? — спросил он.

Андрей открыл рот.

Он мог сказать «скоро». Для трёхлетнего ребёнка это слово не имело срока и потому почти не было ложью. Можно было сказать «конечно». Можно было пообещать Новый год, лето, первый снег или день рождения. Обещание успокоило бы сына, смягчило лицо Марины и позволило самому Андрею войти в самолёт человеком, который всё предусмотрел.

В кармане куртки деревянная акула упиралась острым плавником в ребро.

Когда-то Андрей решил, что деньги нужны ему не для богатства. Деньги были правом выбирать. Потом оказалось, что выбор, купленный для себя, почти всегда становится отсутствием выбора для кого-то другого.

— Папа, ты скоро?

Марина молчала. Она не сказала «папа вернётся» и не отвела ребёнка от экрана. Оставила ответ человеку, купившему билет.

— Не знаю, — сказал Андрей.

Миша посмотрел на него серьёзно, словно впервые увидел не отца, а отдельного взрослого, который может чего-то не знать.

— Тогда позвони, — сказал он.

— Позвоню.

— Обещаешь?

Андрей перевёл взгляд на Марину. Она едва заметно покачала головой — не запрещая, а будто предупреждая о весе слова.

— Да, — ответил он. — Это обещаю.

Связь оборвалась не сразу. Несколько секунд Андрей видел пустой участок пола, перевёрнутое колесо и руку сына, тянущуюся за ним. Потом экран погас.

Сотрудница у выхода попросила посадочный талон.

— В одну сторону? — спросила она, сверяя данные.

— Пока да.

Она вернула паспорт, не заметив ничего необычного.

Андрей пошёл по стеклянному коридору. Под ним грузчики в светоотражающих жилетах бросали чемоданы на ленту. Они не знали, что лежит внутри, и потому обращались со всеми одинаково.

У самой двери самолёта Андрей остановился и достал телефон. Рабочий чат показывал семь новых сообщений. Кирилл справился с комбинатом и теперь спрашивал, как оформить дополнительное соглашение.

Андрей набрал первую строку инструкции.

Стер её.

Положил телефон в карман.

Это ещё ничего не доказывало.

Но самолёт ждать не собирался.

Глава вторая. Проклятие

На людях мать умела молчать.

Соседки останавливали её у подъезда, женщины на работе рассказывали о мужьях, начальстве и детях, дальние родственники звонили поздно вечером. Она выслушивала всех. Не перебивала, не разносила чужие тайны, не давала советов, пока не попросят. После разговора люди благодарили её и говорили, что рядом с ней становится легче.

Домой она приносила всё, чего не сказала им.

В тот вечер мать вернулась после второй смены. Сняла пальто, аккуратно повесила его, вымыла руки и поставила на плиту вчерашний суп. Первые несколько минут она двигалась спокойно. Потом крышка упала на пол, Андрей слишком медленно убрал со стола тетради, за стеной громко включили музыку — и день начал выходить из неё.

Она говорила о покупателе, который унижал продавцов, о молодой начальнице, получившей должность через знакомых, о соседях, о людях, торговавшихся без всякой меры, и об отце Андрея, который снова обещал приехать. Каждая история переходила в следующую без паузы, словно весь мир весь день стоял перед ней в очереди, чтобы вечером войти в эту кухню.

Андрей слушал.

Он редко спорил с матерью. Спор имел смысл, когда люди по очереди рассматривают две версии. Здесь существовала только одна версия и множество причин, по которым она стала единственно возможной.

Обе старшие сестры уже жили в городе. Одна уехала учиться ещё тогда, когда Андрей пошёл в первый класс, другая к тому времени была на третьем курсе. Мать много работала, помогала им, содержала дом и помнила стоимость каждой вещи. Она никогда не просила у соседей до зарплаты и не носила украшения в ломбард. Возможность однажды нуждаться в чужой милости пугала её сильнее усталости.

— Я ведь могла учиться, — сказала она, помешивая суп. — Могла вырасти в должности. У меня голова работала не хуже, чем у них.

Андрей кивнул.

— Но я рано родила. Потом вторую. А дальше уже по накатанной. Работа, дом, дети. Каждый год думаешь: ещё немного — и начну жить. Потом смотришь, а начинать уже поздно. Она поставила перед ним тарелку так резко, что суп выплеснулся на клеёнку.

— Ешь.

Андрей взял ложку.

Когда-то мать рассказала ему, что третьего ребёнка не хотела. Сказала без торжественности, как сообщают старую семейную подробность. Она собиралась сделать аборт, но отец мечтал о сыне, просил, клялся, что всё изменится, что будет работать, перестанет пить и возьмёт семью на себя. Он вымолил ребёнка и не выполнил ничего из обещанного.

После этого рассказа Андрей долго не мог понять, кому именно принадлежало решение о его рождении. Мать говорила, что уступила отцу. Отец — что спас сына. Оба рассказывали так, будто самого Андрея при этом не существовало.

— Он тебя хотел, — сказала мать в тот вечер. — Очень хотел. Обещал золотые горы. Я дура поверила.

Андрей продолжал есть.

— А отвечать кому пришлось? Мне. Ему хотелось сына, а растить почему-то должна я. Он по деревне гуляет, у него друзья, родственники, все его любят. А у меня работа, дом и вы.

Она говорила ещё долго. Потом отец исчез из её речи, остались только дети и жизнь, которая могла сложиться иначе.

— Если бы не ты, я хотя бы тогда могла всё начать сначала.

Андрей положил ложку.

— Я тебя не обвиняю, — сказала мать. — Ты не виноват, что родился. Только легче от этого не становится.

Он посмотрел на неё.

— Бывает, думаю: за что мне это всё? Как будто ты моё проклятие. Всю жизнь мне испортил.

Андрей молчал.

Ему было то ли восемь, то ли десять, то ли двенадцать. Позже возраст исчез из памяти. Осталась кухня, жёлтая лампа и ощущение, что мать наконец сформулировала задачу.

На столе лежал нож с деревянной рукояткой. Она только что резала им хлеб.

Андрей взял его.

Посмотрел на свои пальцы. В детективе, показанном по телевизору, преступника нашли по отпечаткам. Значит, если на рукоятке останутся его пальцы, мать не обвинят. Детская логика была простой и потому казалась безупречной.

Он развернул нож лезвием к себе, приставил остриё к груди и протянул матери рукоятку.

Она перестала говорить.

— Если ты меня ненавидишь и я испортил тебе всю жизнь, просто ударь по рукоятке, — сказал Андрей. — Отпечатки мои. Тебе ничего не должно быть. Зато твоя обуза исчезнет. Раз я всё порчу, давай я облегчу твои страдания.

Мать смотрела на него.

Она не попросила убрать нож. Не сказала, что любит его. Не извинилась и не повторила своих слов. Просто стояла напротив — та самая женщина, которая могла часами выслушивать чужую боль и теперь впервые не знала, что делать с болью, созданной ею самой.

Андрей ждал.

В коридоре тикали часы. За стеной закончилась музыка. В остывающем супе медленно распрямлялась веточка укропа.

Мать не ударила.

Он отвёл нож от груди и положил на стол.

На этом всё закончилось.

Она убрала тарелки. Он ушёл спать. Наутро мать собралась на работу раньше обычного, проверила, выключен ли газ, и оставила ему завтрак. О вчерашнем они не говорили — ни в тот день, ни через неделю.

Но Андрей запомнил тишину.

До неё мать могла объяснить всё: почему не стала учиться, почему не сделала карьеру, почему поверила отцу, почему родила третьего ребёнка и почему именно этот ребёнок оказался виноват в том, что её уговорили. На каждое событие существовала причина, а за каждой причиной стоял другой человек.

Предложение довести её слова до буквального результата впервые остановило рассказ.

Через несколько месяцев мать искала телефон. Она собиралась позвонить мужчине, с которым тогда встречалась, перевернула сумку, проверила карманы пальто и решила, что Андрей спрятал аппарат нарочно.

— Куда дел? — спросила она.

— Не брал.

— Не ври.

Телефон был его. Старый, тяжёлый, с поцарапанным экраном — отец подарил его сыну, а мать иногда пользовалась. Андрей действительно не помнил, куда положил.

— Я не знаю.

Зарядное устройство лежало на тумбе. Мать схватила его и бросила в Андрея. Тяжёлая вилка ударила по плечу.

— Вспоминай.

Он не заплакал. Залез под кровать, проверил школьный рюкзак, ящики стола. Телефон нашёлся между диванной подушкой и стеной — там, где мать сидела вечером.

Она взяла аппарат, посмотрела на экран и пошла звонить.

Извинения не последовало. Возможно, в её версии событий наказание всё равно оставалось справедливым: если Андрей не спрятал телефон, то должен был знать, где находится собственная вещь.

Он смотал зарядку и положил рядом с розеткой.

В тот день Андрей понял ещё не самую важную, но полезную вещь: невиновность и безопасность не были одним и тем же.

Позднее он забудет, сколько раз мать обнимала его, что покупала на дни рождения и как сидела возле кровати, когда он болел. Забудет не потому, что этого не было, а потому, что память ребёнка плохо хранит обычное тепло и прекрасно — опасность.

Он запомнит другое: мать много работала, никогда не сдавалась и могла вынести почти всё, что делали с ней чужие люди.

Кроме того, что накопилось после них.

Глава третья. Две правды

В соседнем районе отец считался хорошим человеком.

Он жил на другом краю посёлка, ближе к старой пилораме. Об этом знали продавцы на рынке, мужчины возле гаражей, две женщины из пекарни и старик, торговавший рыболовными крючками из деревянного ящика. Когда Виктор шёл между рядами, его окликали по имени, хлопали по плечу, спрашивали совета. Он помнил, у кого заболела мать, кому требовалась запчасть и чей сын собирался поступать в училище. Иногда, если были деньги и подходящее настроение, он помогал щедро и сразу. В другие дни его самого искали до вечера.

— Человек без людей никто, — говорил он Андрею.

В такие дни от него пахло мятной жвачкой, одеколоном и едва заметно — вчерашним спиртом. Он шёл широко, не спеша, будто весь рынок был улицей его собственного города. Андрей держался рядом и старался ступать так же.

— Витька! — закричал мясник в белом фартуке. — Наследника вывел?

— А то. Показываю, как люди живут.

Мясник перегнулся через прилавок и протянул Андрею кусок копчёной колбасы.

— Бери. С таким батей не пропадёшь.

Андрей взял колбасу и посмотрел на отца. Виктор улыбался.

Возле гаражей трое мужчин грузили в прицеп доски. Увидев Виктора, они заговорили наперебой. Через десять минут он уже командовал погрузкой, через двадцать работа пошла быстрее, а к полудню вокруг него собрались люди, которые до его появления едва здоровались друг с другом. Отец умел соединять компанию одним голосом. Даже чужой тяжёлый труд рядом с ним становился похож на праздник, который вечером почти неизбежно продолжался бутылкой.

— Вот человек, — сказал один из мужчин Андрею. — Где твой отец — там дело движется.

Другой добавил:

— А мать твою зря на него наговаривает. Мужу свобода нужна.

Виктор не возразил. Он только усмехнулся, принимая защиту как нечто заслуженное. Эти люди не видели его дома, зато охотно свидетельствовали в споре, которого не слышали.

Три недели назад отец обещал забрать его на рыбалку. Андрей просидел одетым с пяти утра до полудня, пока мать не заставила снять сапоги. На следующий день Виктор появился без удочек, зато принёс большой армейский бинокль. На одном стекле была царапина, ремешок пах чужим потом. О рыбалке он не упомянул.

Бинокль оказался настоящим. Через него дом напротив приближался так сильно, что можно было рассмотреть трещины между кирпичами. Андрей решил, что подарок равен обещанию, хотя одно никак не вытекало из другого.

— Спасибо, — сказал он тогда.

— Пользуйся. Мужу глаз нужен.

Теперь бинокль висел у Андрея на шее. Отец велел взять его на рынок, хотя смотреть там было не на что.

Возле молочного ряда их остановила женщина в красной шапке.

— Виктор Сергеевич, родной, выручил ты нас тогда. Если бы не ты, не знаю, что с Леночкой было бы.

— Да ладно тебе, — сказал отец. — Любой бы так сделал.

— Не любой.

Она обняла его. Виктор смутился и стал похож на мальчишку, которого поймали за хорошим поступком.

Андрей хотел спросить, что именно сделал отец, но не стал. Ему нравилось стоять рядом. Взрослое уважение немного доставалось и ему, как свет от чужого окна.

У выхода Виктор купил два горячих пирожка и один сунул сыну.

— Матери не рассказывай, кого встретили.

— Почему?

— Начнёт выдумывать.

— Что?

— Что-нибудь. У неё талант.

Они сели в автобус. Виктор уступил место старухе, хотя свободных сидений было достаточно, и всю дорогу ехал стоя. Старуха поблагодарила его дважды.

Мать открыла дверь ещё до звонка. Наверное, увидела их из окна.

— Нагулялись?

— Чего ты начинаешь? — спросил Виктор.

— Я ещё ничего не начала.

Он снял с Андрея бинокль и повесил на крючок.

— Сына привёл целого. Какие претензии?

— Медаль дать?

— Можешь просто рот закрыть.

Андрей прошёл на кухню. Он знал, что первые минуты безопаснее провести там. Пока родители выясняли, кто начал, можно было налить воду и убрать продукты. Обе старшие сестры давно учились в городе и жили отдельно: одна уехала ещё в год, когда Андрей пошёл в первый класс, другая к тому времени была уже на третьем курсе. От них остались две пустые кровати и привычка матери во время ссор говорить «дети», словно за стеной по-прежнему слушали все трое.

Отец повысил голос.

На кухонном столе Андрей разложил покупки. Хлеб, пакет молока, дешёвые конфеты, консервы. Отец обещал принести деньги, но денег среди продуктов не было. Возможно, он отдал их женщине в красной шапке. Или другому человеку. Или пропил вчера. Все три объяснения подходили к нему одинаково хорошо.

— Ты его против меня настраиваешь! — крикнул Виктор в коридоре.

— Мне не надо! Ты сам прекрасно справляешься!

— Конечно, ты святая! А кто детей моими похоронами пугает?

— Потому что ты сдохнешь под забором!

Наступила тишина.

Андрей замер с банкой в руке.

Потом отец сказал негромко:

— Не дождёшься.

Хлопнула дверь.

Мать вошла на кухню и увидела продукты.

— Денег опять нет?

— Не знаю.

— Конечно, не знаешь. Тебе он только хорошее показывает.

Она достала сигарету, но не зажгла — после истории с ножом старалась при детях курить у окна.

— Думаешь, он тебя на рынок из любви повёл? Красоваться. Вот, смотрите, какой отец. Раз в месяц ребёнка вывел — уже герой.

— Там его все знают.

— Ещё бы. Дома-то его никто не видит.

— Он одной женщине помог.

Мать коротко рассмеялась.

— Женщине?

— У неё красная шапка.

— Очень важная подробность.

— Она сказала, любой бы не сделал.

— Правильно сказала. Любой сначала собственным детям помогает.

Андрей поставил банку в шкаф.

— А что он сделал?

— Не знаю. И знать не хочу.

Она знала. Андрей понял это сразу, но спорить не стал.

Вечером отец вернулся трезвым. Такое случалось редко после ссоры и потому казалось подозрительным. Он принёс деньги, положил несколько мятых купюр на холодильник и попросил Андрея выйти с ним во двор.

Они сели на скамейку возле пустой песочницы. Снег вокруг неё растаял, но песок остался твёрдым, как цемент.

— Мать что-нибудь говорила? — спросил Виктор.

— Говорила.

— Что?

— Что ты красуешься.

Отец закурил.

— Она думает, если человек кому-то помог, значит, обязательно ради выгоды. По себе судит.

— Она сказала, ты сначала должен детям помогать.

— А я не помогаю?

Андрей посмотрел на окна их квартиры. На кухне горел свет.

— Помогает.

— Вот. Просто ей сколько ни дай — всё мало. Она сама решила разводиться. Не я.

— Почему?

— Сказала, что больше так жить не хочет. Собрала документы, всё решила.

— А ты хотел остаться?

Виктор стряхнул пепел в снег и посмотрел в сторону гаражей.

— Я не хотел с ней воевать. Раз решила — значит решила. Но от вас я не отказывался. Я рядом живу, прихожу.

— Иногда.

— Когда могу.

— Она говорит, с тобой невозможно.

Отец повернулся к нему.

— А ты сам как думаешь?

Андрей пожал плечами.

— Вот и правильно, — сказал Виктор. — Не лезь во взрослое.

Он обнял сына за шею, притянул к себе и поцеловал в макушку. Щетина царапнула лоб. Андрей не отстранился. Отец умел обнимать так, будто они давно не виделись и следующей встречи могло не быть.

— Я тебя люблю, — сказал Виктор.

— Я тебя тоже.

Это было правдой. Обещанная рыбалка тоже когда-то была правдой — в ту минуту, когда отец обещал.

— В следующие выходные ко мне поедешь, — сказал он. — У Тамары поживём. Отдохнёшь от вашего бабьего царства.

— Мама разрешит?

— Я отец. Мне её разрешение не нужно.

Андрей посмотрел на него с восхищением. Возможность жить без разрешения казалась высшей формой свободы.

Домой они поднялись вместе. Мать молча взяла деньги с холодильника, пересчитала и положила в карман халата.

— Скажи спасибо, — сказал Виктор.

— За что? Это на детей.

— Вот за это с тобой никто жить не может.

— А с тобой, конечно, очередь стоит.

Он шагнул к ней.

Мать не отступила. Она подняла подбородок и улыбнулась — той улыбкой, которой заранее объявляла себя победившей, если он её ударит.

Андрей встал между ними.

Не потому, что считал себя сильным. Просто оказался ближе всех.

— Уйди, — сказал отец.

— Не надо.

— Я сказал, уйди.

— Не надо её бить.

— Видишь? — сказала мать. — Даже ребёнок знает.

Виктор посмотрел на сына, и что-то в его лице изменилось. Ярость не исчезла, но потеплело направление. Он опустил руку, которую Андрей до этого момента даже не замечал.

— Я её не трогаю.

— Потому что он стоит, — сказала мать.

— Замолчи ты хоть раз.

Он развернулся, схватил куртку и вышел. Дверь ударилась о стену, отскочила и осталась полуоткрытой.

Мать закрыла её на замок.

— Молодец, — сказала она Андрею. — Хоть один мужчина в доме.

Ему стало стыдно от похвалы. Он не понимал почему.

Ночью мать рассказала свою версию.

Они сидели на кухне вдвоём. Андрей пил чай, а мать говорила, что Виктор всегда был таким: красиво разговаривал, всем помогал, приносил чужим последнее, а дома не оставалось ни денег, ни сил. Говорила, что терпела ради детей. Что однажды он ударил её, когда она держала одну из дочерей на руках. Что обещал бросить пить после каждого запоя и сам верил в обещание ровно до следующего вечера.

— Почему ты за него вышла? — спросил Андрей.

— Потому что он другим был.

— Когда?

Мать задумалась.

— Вначале.

— А потом?

— Потом показал настоящее лицо.

— Он говорит, ты сама решила разводиться.

— Да, сама. Кто-то должен был это закончить.

— Почему?

— Потому что вместе с ним жить было нельзя.

— Маленький ещё такие вопросы задавать.

— Он тоже так сказал.

— Вот видишь, что он делает? — сказала мать пустому стулу. — Ребёнка допрашивать меня присылает.

Андрей остался сидеть. Ему хотелось услышать конец, в котором один из взрослых признает свою вину и объяснит, что теперь делать. Но мать рассказывала только о том, почему она не могла поступить иначе.

Через неделю отец изложил другую версию.

Он говорил, что женился по любви, работал за троих и приносил всё домой. Что мать ревновала его к друзьям, унижала при детях, искала деньги по карманам и умела довести человека одним взглядом. Что он уходил пить, потому что дома его не ждали. Что бил редко и никогда без причины — эту фразу он произнёс тихо, быстро, словно надеялся проскочить мимо неё.

— А какая может быть причина? — спросил Андрей.

Отец долго молчал.

— Никакой, — сказал наконец. — Это я неправильно сказал.

Это было первое признание, услышанное Андреем от кого-либо из них. Маленькое и бесполезное. Оно ничего не исправляло, но запомнилось лучше всего остального.

Обе истории начинались любовью. В обеих один человек долго терпел, а второй всё разрушил. Мать говорила о ранних родах, несостоявшейся учёбе и работе, которую приходилось тащить вместе с домом. Отец — о сыне, которого якобы спас от нерождения, но ради которого так и не изменил своей жизни. В обеих дети служили причиной остаться и доказательством принесённой жертвы. Только имена виноватых менялись местами.

Андрей пытался соединить рассказы, как две половины сломанной игрушки. Они подходили по краям, но внутри занимали одно и то же пространство.

Когда отец жил отдельно, мать реже плакала. Когда мать не стояла рядом, отец реже кричал. По воскресеньям он становился хорошим человеком. По понедельникам мать могла смеяться за завтраком. Никто не называл это счастьем, потому что счастливая семья, по словам взрослых, должна была находиться под одной крышей.

Андрей видел другое: под разными крышами они становились добрее.

Но вслух он этого не сказал. В их доме правда редко заканчивала спор. Обычно она только выбирала, кого ранить следующим.

Глава четвёртая. Три дня

К отцу Андрей переехал в пятницу после школы.

Переезд состоял из спортивной сумки, двух учебников и бинокля с поцарапанным стеклом. Мать не помогала собираться. Она стояла у окна, сложив руки на груди, и наблюдала, как сын укладывает носки между тетрадями.

— Сам решил — сам отвечай, — сказала она.

— Я только попробую.

— Конечно. Там же свобода.

Андрей застегнул сумку.

Отец ждал у подъезда в старом фургоне. Машина дребезжала даже с выключенным двигателем. Виктор погрузил вещи, потрепал сына по затылку и сказал матери:

— Не переживай. Мужиком верну.

— Верни хотя бы сытым.

Он рассмеялся, словно она удачно пошутила.

Отец жил в половине деревянного дома возле пилорамы. Во дворе стояли разобранный мотоцикл, ржавая бочка и длинный стол из неструганых досок. Летом за ним собирались друзья; зимой стол покрывало снегом, но пустые бутылки всё равно иногда появлялись под лавкой.

Внутри было холодно и интересно. На стенах висели инструменты, рыболовные сети, календарь с морем и фотография Виктора в молодости. В холодильнике лежали половина колбасы, банка солёных огурцов и кастрюля с застывшим жиром.

— Ужин королевский, — сказал отец. — Завтра мяса возьмём.

Он пожарил картошку с луком. Андрей ел, обжигаясь, а Виктор рассказывал, как они будут жить: утром вместе обустривать мастерскую, днём Андрей делает уроки, вечером учится водить фургон по двору. Весной пойдут на реку. Летом поставят палатку. Если мать разрешит — нет, поправился отец, разрешение не потребуется.

В тот вечер всё казалось возможным.

Утром Виктора разбудил стук в окно. За стеклом стоял мужчина в меховой шапке и показывал куда-то в сторону дороги.

— Я на час, — сказал отец. — У Серёги трактор сел. Поможем вытащить.

— Я с тобой.

— Там холод собачий. Сиди, уроки делай. Сейчас вернусь, мясо привезу.

Он надел куртку и ушёл.

Андрей сделал математику, прочитал две страницы по истории и разобрал старый дверной замок, найденный возле печи. Когда стало темно, он съел оставшуюся картошку. Отец не вернулся.

Ночью Андрей несколько раз просыпался от шума двигателя на дороге. Каждый раз садился, слушал и снова ложился. Дом потрескивал от мороза. В соседней половине никто не жил.

Утром Виктора не было.

Андрей нашёл в шкафу крупу. Пахла она пылью, но насекомых внутри не оказалось. Он налил в кастрюлю воды, высыпал слишком много и поставил на плиту. Каша сначала не густела, потом сразу пригорела. Верхнюю часть можно было есть, если не задевать дно.

После завтрака Андрей вышел во двор. До ближайшего дома было метров двести. Там жила двоюродная тётка отца, и Виктор однажды сказал: если что понадобится, иди к ней. Андрей дошёл до калитки, увидел женщину, развешивавшую бельё, и повернул обратно.

Он не знал, какие слова произнести.

«Здравствуйте, отец ушёл и не вернулся» звучало как жалоба.

«Дайте еды» — как просьба.

«Вы не знаете, где он?» — как признание, что сын не знает собственного отца.

В доме он выпил воды и нашёл несколько сухарей в пакете за плитой. Один пах плесенью. Андрей срезал тёмный край ножом, остальное съел.

Отец появился к вечеру третьего дня.

Сначала во двор въехал чужой автомобиль. Из него выбрался Виктор — помятый, небритый и весёлый. Он обнял водителя, обещал зайти завтра и долго не мог попасть ключом в замок.

Увидев сына, отец замер.

— А ты чего здесь?

Андрей сидел за столом. Перед ним лежали выполненные уроки и разобранный замок.

— Я живу здесь.

Виктор несколько секунд вспоминал.

— Точно. Господи. А я думаю, что забыл.

Он открыл холодильник, посмотрел внутрь и сразу протрезвел настолько, насколько умел.

— Ты ел?

— Да.

— Что?

— Кашу. Сухари.

Отец заглянул в кастрюлю с чёрным дном.

— А к тёте Рае не ходил?

— Нет.

— Почему?

— Зачем?

— В смысле зачем? Поест. Там полон дом народу, тебя каждый знает.

— Я её почти не знаю.

— Она родня.

— Твоя.

Виктор снял куртку. Из кармана выпала связка гаек и покатилась по полу.

— Ну ты даёшь, — сказал он без злости. — Три дня голодом сидеть, когда вокруг люди.

Гордый, что ли?

Андрей пожал плечами.

— Надо было просто зайти. Сказал бы: батя уехал, кормить нечем. Тебе бы стол накрыли.

— А ты где был?

— Трактор вытаскивали. Потом к Юрке заехали. Потом... Да какая разница? Телефона там нет. Я думал, к вечеру вернусь.

— К какому?

Отец посмотрел на него и вдруг засмеялся. Не потому, что вопрос был смешным. Смех помогал ему проходить места, где требовался ответ.

— Сейчас всё сделаем, — сказал он.

Он умылся, сходил к соседям, вернулся с хлебом, яйцами и куском сала. Разжёл плитку и приготовил яичницу. Двигался быстро, виновато и заботливо. Положил Андрею большую часть, сам ел хлеб с салом.

— Злиться будешь? — спросил Виктор.

— Не знаю.

— На меня долго нельзя злиться. Я человек такой.

— Какой?

— Непутёвый, значит.

Он сказал это с улыбкой, будто непутёвость была не выбором, а редкой породой характера — как цвет глаз.

— Зато я тебя не брошу, — добавил отец.

Андрей посмотрел на пустую кастрюлю.

— Ты уже забыл.

Улыбка исчезла.

Виктор встал, достал из кармана деньги и положил на стол.

— Вот. Будут лежать здесь. Если задержусь — магазин рядом.

— Мне домой надо.

— Да ладно тебе. Один раз получилось.

— Три дня.

— Зато теперь знаем. Всё, вопрос закрыт.

Для отца он действительно был закрыт: ошибка обнаружена, деньги оставлены, яичница приготовлена. Андрей понимал эту логику. Она даже казалась справедливой.

Но вечером он собрал спортивную сумку.

Виктор отвёз его молча. Возле материнского дома выключил двигатель и долго барабанил пальцами по рулю.

— Матери расскажешь?

— Она спросит.

— Скажи, задержался на день.

— На три.

— Два с половиной.

Андрей взялся за ручку двери.

— Ладно, — сказал отец. — Говори как было.

Он обнял сына. От куртки пахло морозом, дымом и чужим домом.

— Я правда думал, ты к родне пойдёшь.

— Я правда думал, ты вернёшься.

Они сказали это почти одновременно.

Мать открыла дверь, посмотрела на сумку и не спросила, почему Андрей вернулся. Только поставила перед ним горячий суп.

Он ел медленно. Она сидела напротив и ждала рассказа, который подтвердил бы всё, что она говорила об отце.

Андрей не дал ей этого рассказа.

— Ну как? — спросила мать.

— Нормально.

Это не было правдой. Но и её победой становиться не должно было.

Глава пятая. Радио Артура

Артур был младшим братом матери и жил один.

Позади у него остались два брака, оба неудачных, взрослый сын, редкие подработки и множество знакомых, которые охотно вспоминали, каким весёлым он бывал в компании. В собственных семьях Артур присутствовал хуже, чем в чужих застольях. Андрей узнает это позднее. В детстве он видел другое: небольшую квартиру, старое радио и взрослого, который радовался его приходу.

Артур не расспрашивал об оценках и не решал, кем племяннику следует стать. Не потому, что обладал особой педагогической мудростью. Ему просто не требовалось ничего от Андрея. Если был трезв, ставил чайник, находил печенье и включал радио громче. Если пил, Андрей быстро понимал это по голосу и уходил.

Радио работало только после удара по левому боку.

— Контакт отходит, — объяснял Артур.

— Может, починить?

— Тогда придётся придумать, куда девать свободное время.

Он хлопал по деревянному корпусу, из динамика вырывался треск, а затем диктор продолжал фразу с середины, будто тоже ненадолго потерял сознание. Андрей смеялся. Артур делал вид, что именно такого результата и добивался.

Чай у него почти всегда оказывался слишком крепким, печенье — немного старым, зато никто не спрашивал, почему Андрей пришёл и когда собирается уйти. Иногда они слушали футбол. Артур комментировал увереннее радиоведущего и менял прогноз после каждого гола.

— Я так и говорил, — объявлял он.

— Ты говорил наоборот.

— Я проверял, следишь ли ты.

К нему приходили обе старшие сестры. Артур одинаково радовался всем, рассказывал одни и те же истории, искал на кухне что-нибудь к чаю. Жил небогато, ничего не обещал и редко повышал голос.

Один раз всё-таки накричал на Андрея — из-за собственного сына. Андрей тогда сказал мальчику что-то злое и считал себя правым. Артур встал между ними и впервые приказал ему уйти.

По дороге домой Андрей был оскорблён. Когда злость прошла, он понял: дядя защищал сына и в тот раз имел право кричать. Больше Артур на него голоса не повышал.

Лет в четырнадцать Андрей всё чаще приходил к Артуру после школы. Не потому, что там было красиво или благополучно. В квартире пахло сигаретами, еда иногда заканчивалась, на подоконнике стояли пустые бутылки. Но никто не спрашивал, почему он молчит, не требовал выбрать сторону родителей и не выливал на него накопленную за день злость.

Можно было сидеть возле радио и ничего не объяснять.

К концу жизни Артур попытался измениться. Устроился сторожем, стал реже пить, говорил родственникам, что завязывает. Получалось неровно. Несколько трезвых недель сменялись срывом, потом он снова выходил на смену и начинал сначала.

Сердце не выдержало раньше, чем стало понятно, получится ли.

В тот день Артур не ответил на звонок. Его сын поехал искать отца, и уже потом родственникам сообщили, что Артур умер. Андрей запомнил не слова, а то, как мать после разговора положила телефон на стол и несколько секунд держала ладонь сверху, будто аппарат мог снова зазвонить и отменить новость.

На похоронах Андрей не ломался.

Он здоровался с родственниками, половину которых видел впервые, слушал истории об Артуре, помогал переносить вещи, отвечал на вопросы. Люди говорили о двух браках, сыне, выпивке, последних попытках работать. Никто не делал из умершего великого человека. Но почти каждый мог вспомнить момент, когда тот был добр или смешон.

Андрей стоял рядом с матерью и сёстрами. Грустил открыто, разговаривал с родственниками, слушал воспоминания и не пытался вынести умершему приговор. Ему было около четырнадцати, и он не складывал из смерти взрослую философию. Просто впервые потерял близкого человека.

После похорон он примерно на полгода отделился от всех. Учился, отвечал, если спрашивали, мог смеяться в компании. Но внутренняя часть жизни стала закрытой. Первая близкая потеря научила его странному порядку: сначала пережить необходимое рядом со всеми, потом исчезнуть и оставаться одному столько, сколько потребуется.

Вернувшись к людям, Андрей уже умел говорить о дяде смешное: про радио, которое лечили ударом, про футбольные прогнозы и чай, способный растворить ложку. Не всякое воспоминание о потерянном человеке обязано было заканчиваться его смертью.

Глава шестая. Уважаемый человек

Дом Кругловых сгорел в конце марта.

Никто не погиб. Огонь съел крышу, две комнаты и половину вещей, но семья успела выбежать. На следующее утро возле чёрных стен стояли люди и обсуждали, кто виноват, сколько дадут власти и почему пожарные приехали поздно.

Отец Андрея приехал с топором.

— Разговаривать вечером будете, — сказал он. — Сейчас крышу закрывать надо. Дождь пойдёт — остальное сгниёт.

Он распределил работу, хотя никто его не назначал. Одних отправил разбирать обгоревшие балки, других — искать плёнку и доски. Договорился с водителем грузовика, позвонил знакомому на пилораму, убедил хозяина магазина отпустить крепёж без денег. К полудню во дворе работали пятнадцать человек.

Андрей таскал доски. Ему было четырнадцать, и отец впервые поручил ему работу, от которой зависели другие.

— Считай листы, — сказал Виктор. — Ошибёшься — вечером без угла останутся.

Андрей пересчитал дважды и написал число мелом на воротах.

Отец двигался среди людей легко. Он знал, кого можно послать на высоту, кому нельзя доверять инструмент, кого сначала нужно похвалить, а кому достаточно сказать: «Ты же мужик». Даже люди, собиравшиеся постоять десять минут, снимали куртки и оставались до вечера.

Во время короткого отдыха хозяйка дома принесла чай в металлическом ведре. Руки у неё дрожали.

— Витя, я не знаю, как благодарить.

— Живите, — сказал отец. — Потом другому поможет.

Он произнёс это просто, без зрителей, хотя зрители стояли вокруг. Андрей понял, что отец не играл. В ту минуту он действительно был человеком, которым его считали.

К вечеру над домом натянули плёнку и закрыли уцелевшую часть крыши. Круглов плакал, обнимая Виктора. Мужчины хлопали друг друга по плечам. Кто-то принёс ящик водки.

— Нам пора, — сказал Андрей отцу.

— Пять минут посидим.

— Ты обещал маме вернуть меня к девяти.

— Верну.

Виктор налил первую рюмку за тех, кто успел выбежать. Вторую — за тех, кто помог. Третью — чтобы новый дом стоял дольше старого.

В половине девятого Андрей снова подошёл к нему.

— Ехать надо.

— Сейчас Игорь отвезёт.

— Ты говорил сам.

— Какая разница, кто отвезёт? Главное — доедешь.

Игорь тоже пил.

Андрей вышел со двора и пошёл к остановке. Последний автобус уже прошёл. До дома было двенадцать километров.

Через полчаса его догнал грузовик с пилорамы. Водитель узнал сына Виктора и довёз до развилки.

— Отец у тебя золотой, — сказал он. — Полпосёлка сегодня поднял.

— Да.

— Таких мало.

— Мало.

Андрей вышел у тёмной дороги и оставшиеся два километра прошёл пешком.

Мать ждала на кухне. Не кричала. Спросила только:

— Где он?

— У Кругловых.

— Пьёт?

— Дом им закрыл.

— Я не спросила, что он сделал днём.

— А я сказал.

Она посмотрела на часы.

— Молодец. Теперь ещё скажи, что я неблагодарная.

Андрей прошёл в комнату. Он не хотел отдавать ей хороший день отца только потому, что вечер закончился привычно.

Утром Виктор позвонил.

— Добрался?

— Да.

— Ну и хорошо. Я знал, что ты не пропадёшь.

— Ты не знал. Ты сейчас спросил.

Отец помолчал.

— Не начинай, — сказал он. — Важное дело сделали.

— Сделали.

— Кругловы под открытым небом остались. Надо было людей уважить.

— Меня не надо было?

— Тебя я и так уважаю. Ты свой.

Эта фраза осталась с Андреем надолго. Чужим отец помогал действием. Своим полагалось понимать его без доказательств.

Через неделю Кругловы пришли благодарить мать. Принесли пирог и банку мёда. Рассказывали, как Виктор спас остатки дома, где достал доски, как работал на крыше и никому не позволил уйти раньше времени.

Мать поставила чай.

— Он умеет, — сказала она.

В её голосе не было насмешки.

— Если захочет, он всё умеет.

Андрей ждал продолжения, но она больше ничего не добавила.

Позднее он помогал отцу менять проводку в восстановленном доме. Виктор работал сосредоточенно и трезво. Объяснял, как распределять нагрузку, почему нельзя экономить на соединениях и где прежний хозяин допустил ошибку.

— Огонь случайностей не любит, — сказал он. — Сначала человек думает: и так сойдёт. А потом вся жизнь горит.

Андрей подавал инструменты.

— А у людей так же?

— Что?

— Если думают: и так сойдёт.

Отец рассмеялся.

— У людей сложнее. Провода хотя бы молчат.

В тот день они вернулись вовремя. Виктор приготовил ужин, не пил и долго рассказывал о своей молодости. Андрей видел перед собой умного, сильного и нужного человека. Такого отца можно было любить без всяких оговорок.

На следующее утро тот не пришёл на обещанную встречу.

Андрей ждал час, потом ушёл сам.

Он уже понимал: противоречие не обязано разрешаться. Отец, спасший чужой дом, и отец, забывший сына, не сменяли друг друга. Это был один человек в соседние дни.

Позднее, когда Андрея спрашивали, каким был Виктор, он отвечал по-разному. Иногда — пьяницей. Иногда — душой компании. Иногда рассказывал про три дня без еды. Иногда — про крышу Кругловых.

Все ответы были правдой.

Ни один не был полным.

Глава седьмая. Шестнадцать

Когда отца положили в больницу, Андрей сначала решил, что тот снова пьян.

Виктор сидел на краю кровати в приёмном отделении и пытался надеть второй носок поверх первого. Пальцы не слушались. Он сердился на носок, на санитарку, на слишком яркий свет и на сестру Тамару, которая привезла его сюда.

— Домой поехали, — сказал он Андрею. — Здесь одни сумасшедшие.

— Тебя лечить будут.

— От чего?

Андрей посмотрел на Тамару.

Она отвела его в коридор. Там пахло хлором, варёной капустой и мокрой одеждой.

— Печень почти не работает, — сказала она. — И анализы пришли.

— Какие?

Тамара назвала болезнь тихо, хотя рядом никого не было.

ВИЧ Андрей до этого слышал только по телевизору. Там его произносили рядом со словами «эпидемия», «наркотики» и «опасность». Он посмотрел через стекло двери на отца. Виктор снял оба носка и теперь объяснял санитарке, что его держат незаконно.

— Он умрёт?

— Врачи пока ничего не говорят.

Взрослые всегда говорили эту фразу, когда врачи уже сказали достаточно.

После больницы Виктор жил у Тамары. Она убрала из комнаты ковёр, поставила возле кровати таз и подписала коробки с таблетками по дням недели. Отец сердился, что его считают стариком, прятал лекарства под матрас и дважды пытался уйти к друзьям.

В первый раз его вернули вечером. Во второй нашли только на следующий день — в гараже у знакомого. Там тоже пили, хотя всем было известно, что ему нельзя.

— Он сам попросил, — оправдывался хозяин гаража. — Что я, нянька ему?

Андрей ничего не ответил.

Отцу было чуть больше сорока. За несколько месяцев лицо пожелтело, живот раздулся, руки стали тонкими. Иногда он узнавал сына и спрашивал про школу. Иногда называл Андрея именем умершего брата. Однажды потребовал принести ключи от фургона, который продали год назад.

— Ты же сам его продал, — сказал Андрей.

— Я бы помнил.

— Не помнишь.

— Это вы у меня украли.

Он кричал, пока не устал. Потом попросил воды и поблагодарил сына так вежливо, будто они познакомились недавно.

Андрей приходил после занятий. Мыл кружки, покупал продукты, иногда помогал отцу дойти до туалета. Тело Виктора стало тяжёлым и непослушным. Поднимая его, Андрей вспоминал крышу Кругловых: как отец бегал по балкам, командовал людьми и нёс сразу две доски.

— Не смотри, — говорил Виктор.

— На что?

— На меня такого.

— Я нормально смотрю.

— Врёшь.

Это были редкие минуты ясности. Они проходили быстро.

Тамара держалась два месяца. Потом сказала, что больше не может: работа, дети, бессонные ночи, попытки Виктора уйти, его ярость и стыд. Родственники собрались на кухне и

решали, куда его перевезти. Каждый начинал с того, как любит Виктора, и заканчивал причинами, почему именно у него жить нельзя.

Андрей слушал из коридора.

В итоге отца забрал двоюродный брат в другой посёлок. Там был частный дом, свободная комната и женщина, умеющая делать уколы. Все назвали решение хорошим.

До него ехали два часа с пересадкой. Андрей стал приезжать реже.

Однажды Виктор встретил его совершенно ясным. Сидел у окна, выбритый, в чистой рубашке. На столе стояли чай и нарезанный хлеб.

— Садись, — сказал он. — Поговорим как люди.

Андрей сел.

— Учишься?

— Учусь.

— Работать надо начинать. Учебной сыт не будешь.

— Начну.

— Мать слушай. Она тяжёлая, но умная.

— Хорошо.

Виктор посмотрел на свои руки.

— Я хотел, чтобы ты был.

Андрей понял, о чём он.

— Знаю.

— Она не хотела. Боялась. Я уговорил.

— Тоже знаю.

— Правильно сделал.

Это прозвучало не как вопрос.

— Не знаю, — сказал Андрей.

Отец поднял глаза.

— Как это не знаешь?

— Я ещё не закончил.

Виктор долго смотрел на него, потом засмеялся. Смех перешёл в кашель. Андрей подал воду.

— Умный ты, — сказал отец, отдышавшись. — Слишком умный. Жить мешать будет.

— Тебе мешало?

— Мне другое мешало.

— Что?

Виктор посмотрел в окно.

— Настроение.

Снова улыбнулся, но на этот раз улыбка не спасла фразу.

Перед уходом Андрей спросил:

— Ты жалеешь о чём-нибудь?

— Конечно.

— О чём?

— Что фургон дешево продал.

Через неделю отец перестал вставать. Потом почти перестал говорить. Боль делала его то злым, то испуганным. Он отталкивал руки, срывал простыню, просил позвать людей, которые давно умерли. В один из вечеров ему показалось, что за дверью собрались друзья и ждут, когда он выйдет.

— Скажи им, сейчас буду, — прошептал он.

— Хорошо.

— Пусть без меня не начинают.

— Не начнут.

Андрей соврал легко. Иногда ложь была единственной вещью, которую можно дать человеку.

Отец умер ночью. Андрею было шестнадцать.

На похороны пришло больше людей, чем он ожидал. Мужчины из гаражей, женщины с рынка, бывшие коллеги, дальние родственники. Они рассказывали, кому Виктор починил машину, кого устроил на работу, чей дом помог восстановить. Один мужчина плакал и повторял, что отец Андрея никогда не проходил мимо чужой беды.

Андрей стоял рядом с гробом и не злился.

Все эти люди говорили правду. Просто беда сына находилась слишком близко к Виктору, чтобы он мог заметить её как чужую.

Мать пришла с обеими дочерьми. Держалась отдельно, не плакала и принимала соболезнования так, словно всё ещё была его женой. Когда кто-то назвал Виктора прекрасным семьянином, она открыла рот, но ничего не сказала.

Андрей заметил это и был ей благодарен.

После кладбища родственники долго сидели за столом. Андрей разговаривал даже с теми, кого почти не знал. Слушал истории об отце, отвечал на вопросы, иногда сам вспоминал что-нибудь хорошее. Не поправлял людей и не рассказывал в ответ о трёх днях без еды. Похороны казались не тем местом, где нужно добиваться полной версии человека.

Он не был бездушным и не изображал равнодушие. Просто видел мать, сестёр и родственников, каждому из которых было тяжело, и считал, что сейчас способен выдержать больше некоторых из них.

Когда приехали домой, Андрей ушёл во двор. В старом сарае было темно и пахло деревом, железом и холодной землёй. Он сел, не зажигая свет, и не отвечал, когда его позвали ужинать.

Долго просто молчал.

Потом разрыдался.

Весь день он мог принимать соболезнования и слушать чужую любовь к отцу. Здесь больше не требовалось держать лицо, помогать, отвечать и быть тем, на кого можно опереться. Он плакал не по хорошему или плохому человеку. По отцу, другого у него не было.

Никто не вошёл. Возможно, поняли. Возможно, просто решили оставить одного.

В шестнадцать лет Андрей не называл смерть расплатой и не строил из неё закона. Ему было страшно, жалко отца и стыдно за минуты облегчения оттого, что мучения закончились.

Уже взрослым он иногда пытался придать той смерти порядок: связать конец с образом жизни, увидеть последствия там, где ребёнок когда-то видел только ужас. Потом сам же отвергал эту мысль. Болезни не выносят приговоров, а мучение не доказывает вину.

От отца осталась не мораль, а противоречие. Человек мог любить сына, мечтать о нём, помогать чужим людям — и одновременно причинять боль тем, кто жил ближе всех.

Глава восьмая. Позднее спасение

Через несколько лет после смерти Виктора мать начала говорить словом «границы».

Раньше у неё были терпение, долг, неблагодарность и судьба. Теперь появились травма, принятие, ресурс и внутренний ребёнок. Книги лежали на подоконнике, возле кровати и на кухонном столе. В них люди на обложках обещали перестать страдать за десять шагов, вернуть себе энергию и простить прошлое.

Мать подчёркивала карандашом целые страницы.

— Вот, — сказала она Андрею во время одного из его приездов. — Здесь написано, что дети часто берут на себя эмоции родителей. Я тогда многого не понимала.

— Когда тогда?

— Когда вы росли.

— А что именно ты не понимала?

Она перелистнула несколько страниц.

— Что нельзя жить только ради других. Нужно сначала наполнить себя.

Это было правдой. Но Андрей ждал другой правды.

— И всё?

— Что значит «всё»?

— Ничего.

Мать закрыла книгу. Разговор закончился не ссорой, а осторожным разочарованием обоих: она сделала шаг, который считала большим, а сын не пришёл туда, где она его ждала.

Потом появились рейки.

Мать ездила на занятия в город, привозила свечи, гладкие камни и распечатанные схемы человеческого тела. Училась держать ладони над больным местом и чувствовать тепло. Она действительно стала спокойнее. Реже повышала голос, почти перестала пить, научилась уходить из разговора до того, как он превращался в драку.

Старшие дочери относились к этому по-разному. Одна слушала и кивала, другая шутила про космические каналы. Андрей спрашивал, сколько стоил курс и кто выдал преподавателю диплом.

— Ты всё меряешь пользой, — говорила мать.

— А чем надо?

— Ощущением.

— Каким?

— Что мне легче.

С этим спорить было невозможно. И, возможно, не требовалось.

Однажды она предложила положить руки ему на плечи. Андрей согласился. Они сидели на кухне, где много лет назад лежал нож. Мать закрыла глаза и медленно водила ладонями возле его спины, почти не касаясь.

— Чувствуешь тепло?

— Руки тёплые.

— Не от рук. Глубже.

Андрей прислушался к себе.

— Не знаю.

— Ты закрываешься.

Он чуть не рассмеялся, но сдержался. Мать старалась. В её мире это был способ приблизиться, не произнося слов, которые между ними застревали.

— Может быть, — сказал он.

Она улыбнулась.

Несколько минут они сидели мирно. Андрей подумал, что иногда форма помощи не обязана быть правильной, чтобы намерение оставалось настоящим.

Потом мать сказала:

— Тебе нужно отпустить обиду на отца.

— Я не держу.

— Держишь. И на меня тоже.

— Возможно.

— Пока не простишь родителей, дальше не пойдёшь.

Андрей открыл глаза.

— Куда?

— В жизнь.

— Я уже в ней.

— Ты понимаешь, о чём я.

— Нет. Объясни.

Она убрала руки.

Так рейки закончились там же, где раньше заканчивались их обычные разговоры: Андрей просил точного значения, мать слышала отказ принять её целиком.

Со временем книги сменились сериалами. Мать называла их дорамами и могла смотреть одну историю за другой до глубокой ночи. В них замкнутые женщины встречали мужчин, способных понять их молчание; жестокие родители раскаивались; потерянные дети возвращались; люди исчезали на десять лет и всё равно успевали произнести главное перед финальными титрами.

— Тебе не надоедает? — спросил Андрей.

— Там красиво.

— Они все одинаковые.

— Люди тоже.

Она сказала это без горечи. На экране мужчина стоял под дождём и ждал женщину с зонтом. Мать смотрела внимательно, словно от его терпения зависел исход чего-то в её собственной жизни.

Андрей приезжал реже. Не из наказания — так он объяснял себе, — а потому что работал, строил планы, пытался заработать больше и не любил разговоры, после которых ничего не менялось. Мать тоже редко звонила первой. Если он набирал сам, она могла говорить час: о работе, родственниках, прочитанной книге, новой дораме и здоровье соседки. Но между звонками проходили недели.

Каждый считал, что дверь остаётся открытой. Никто не входил.

На одном семейном празднике мать не пила. Она приготовила еду, собрала дочерей, поставила старые фотографии. На снимке с выписки из роддома Виктор держал младенца и улыбался так, будто получил от мира единственное, чего действительно хотел.

— Смотри, какой счастливый, — сказала мать.

— Да.

— Он тогда неделю всем показывал фотографию.

— А потом?

— Что потом?

— Изменился?

Мать провела пальцем по краю снимка.

— Люди не меняются сразу.

— Он вообще не изменился.

— Старался иногда.

Андрей посмотрел на неё. Раньше она не позволила бы такой фразы в защиту Виктора.

— Ты его простила?

— Я поняла.

— Это не одно и то же.

— А обязательно прощать?

Он задумался.

— Не знаю.

— Вот и я не знаю.

Они впервые оставили вопрос без ответа и не стали побеждать друг друга.

Позднее мать заговорила о собственных ошибках. Не назвала сцену с ножом, зарядное устройство или слова о нежеланном ребёнке. Сказала шире:

— Я была нервная. Много на вас срывалась. Сейчас бы иначе делала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.